

ТЕНИ ПРОШЛОГО В ИСПАНИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ И ФРАНКИЗМЕ

Хавьер Франсиско Наварро Наварро¹, Екатерина Олеговна Гранцева²

¹ Университет Валенсии, Валенсия, Испания

francisco.j.navarro@uv.es

<https://orcid.org/0000-0002-3552-7107>

² Институт Всеобщей Истории РАН, Москва, Россия

kgrantseva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7449-1314>

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена общественной памяти о гражданской войне 1936–1939 гг. и франкистской диктатуре в Испании; анализу трудностей и противоречий трансформации испанской государственной исторической политики (включая проблемы, связанные с принятием в стране нового закона о демократической памяти). На протяжении двадцати лет вопросы памяти неизменно присутствуют в политическом дискурсе Испании и влияют на повседневную жизнь испанцев. Эта

ситуация сопровождается значительным вниманием со стороны средств массовой информации. Однако здесь многочисленные обращения к темам памяти и *трудного прошлого* часто поверхностны и не раскрывают сути проблемы, формируя «горизонтальное» информационное отражение, дающее иллюзию «насыщенности». Авторы, анализируя отношения испанцев со своим прошлым, применяют сравнительный метод в контексте четырёх исторических этапов — периода франкистской диктатуры, этапа демократического транзита, демократической Испании 1980–1990-х гг. и Испании XXI в. Проведённое исследование позволяет утверждать, что по крайней мере одной важной характеристикой «испанского случая» является отсутствие консолидации общества по отношению к вопросу принятия политики общественной памяти на демократической основе. Эта ситуация обнажает трудность построения социального и политического консенсуса вокруг политики памяти. Обращаясь к истории вопроса возвращения памяти и отмечая стремление левых политических сил к историческому реваншу, авторы статьи делают вывод о невозможности «единственного верного» варианта демократической памяти. На примере отрицания как франкистской памяти, так и революционной памяти анархистского движения, в статье обоснован вывод о специфике демократической памяти как феномена культуры: она множественна, отражает интересы различных общественных сил и не обладает исключительно либерально-демократическим характером.

Ключевые слова: Испания, коллективная память, демократическая память, гражданская война 1936–1939, франкизм, демократический транзит, пакт забвения

Для цитирования: Navarro Navarro Ф.Х., Гранцева Е.О. Тени прошлого в Испании: историческая политика и общественная память о гражданской войне и франкизме // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 96–113. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-96-113>

Research article

SHADOWS OF THE PAST IN SPAIN: HISTORICAL POLICY AND COLLECTIVE MEMORY OF CIVIL WAR AND FRANCOISM

Javier Francisco Navarro Navarro¹, Ekaterina O. Grantseva²

¹ University of Valencia, Valencia, Spain

francisco.j.navarro@uv.es

<https://orcid.org/0000-0002-3552-7107>

² Institute of World History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia

kgrantseva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7449-1314>

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of public memory about the civil war of 1936 – 1939 and the Francoist dictatorship in Spain. Another focus of the research is an analysis of the difficulties and contradictions associated with the transformations of the Spanish state historical policy, including the problems resulting from the adoption of a new law on democratic memory in the country. For twenty years, issues of memory have invariably been present in the Spanish political discourse and affect the daily life of Spaniards. This situation has been accompanied by significant media attention and wide media coverage. Numerous references to the themes of memory and the difficult past are often superficial and do not reveal the essence of the problem, forming a *horizontal* informational reflection that gives the illusion of *saturation*. The authors, analyzing the relationship of the Spaniards with their past, apply the comparative method in the context of four historical stages — the period of the Francoist dictatorship, the stage of democratic transition, democratic Spain in the 1980s – 1990s, and Spain of the 21st century. The conducted research allows us to assert that one important characteristic of the Spanish case is the lack of social consolidation and acceptance of the policy of public memory on a democratic basis. This reveals the difficulty of building a social and political consensus around the policy of memory. Turning to the history of the issue of the return of memory and noting the desire of the left political forces for a historical revenge, the authors of the article conclude that it is impossible to present a single correct presentation of democratic memory. Using the example of the denial of both the Francoist memory and the revolutionary memory of the anarchist movement, the article argues the specific character of democratic memory as a cultural phenomenon: democratic memory is multiple, it reflects and presents various interests of many social actors and does not have an exclusively liberal-democratic character.

Keywords: Spain, collective memory, democratic memory, civil war 1936-1939, Francoism, democratic transit, pact of oblivion

For citation: Navarro Navarro, F. J., Grantseva, E. O. (2021) 'Shadows of the Past in Spain: Historical Policy and Collective Memory of Civil War and Francoism', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(4), pp. 96–113. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-96-113>

На протяжении двадцати лет одно из наиболее значимых мест в испанском политическом дискурсе и жизни испанцев принадлежит проблемам исторической памяти. Неизменно в фокусе внимания находятся вопросы отражения этих проблем в испанском законодательстве и практических действиях — как властей, так и гражданского общества.

Формирование движения за восстановление исторической памяти в Испании (как и реакция на это со стороны политиков) совпали по времени с актуализацией проблем памяти в исторической науке. Для данного исследования ключевое значение имеет работа Алейды Ассман «Длинная тень прошлого» [Assman, 2006], где историческая память анализируется в динамике; а также обозначаются виды памяти (индивидуальная, социальная, политическая и культурная). На «испанском» примере мы со всей очевидностью наблюдаем асимметрию работы с памятью, описанную Ассман: жертвы стремятся сохранить воспоминания, а диктаторский режим и его наследники — стереть память о прошлом.

Одной из проблем, которая возникает в связи с вопросами памяти о гражданской войне и франкизме в Испании, и о которой необходимо упомянуть, является тривиализация, особенно очевидная в случае обращения к наследию диктатуры Франко. Проблемы памяти неизменно присутствуют в политическом дискурсе и влияют на повседневную жизнь испанцев, причём их обсуждение испытывает значительное воздействие со стороны средств массовой информации. Многочисленные ссылки в медиа на те или иные события часто представляют собой лишь цитирование, создают подобие информационного шума, но не несут в себе никакого значимого содержания. Подобные потоки информации лишь поверхностно касаются тематики памяти; авторы материалов избегают глубоких размышлений и даже попыток раскрытия сути проблематики. Таким образом проявляется «горизонтальное» информационное отражение, дающее иллюзию «насыщенности», но по сути скрывающее отсутствие значимых и глубоких публичных дебатов

по этим вопросам, оставаясь за пределами научных дискуссий специалистов.

Помимо обозначенной специфики при обращении к «испанской» проблематике памяти необходимо выделить ещё ряд значимых факторов.

Прежде всего, следует отметить, что случай Испании не является исключительным с точки зрения конфликтности национальных коллективных воспоминаний. В XX в. большинство обществ обсуждают свои воспоминания. Также испанский случай не является исключительным, когда речь идёт о травматическом прошлом, гражданской войне и диктатуре. Споры о памяти и трудном прошлом во многих странах ведутся уже несколько десятилетий. Испанский вариант характеризуется развёрнутыми дискуссиями о памяти и актуализацией связи истории с проблемами «использования прошлого». Безусловно, эта специфика присутствует не только в Испании, но здесь она имеет особую актуальность, о причинах и свойствах которой пойдет речь далее.

Также необходимо оговорить, что авторы данного исследования рассматривают воспоминания с точки зрения их множественности. Мы не можем говорить о единой памяти общества. Воспоминания различны и несут на себе отпечаток личностей, которым принадлежат. В этом контексте общественную память можно воспринимать как поле битвы, где невозможно абстрагироваться от конфликтной природы воспоминаний [González Calleja, 2013]. У специалистов вызывает сомнения уверенность, что коллективная память может представлять цельный отчёт о прошлом, быть сформулирована и единодушно принята в каждом конкретном «национальном» случае. Такое возможно только тогда, когда речь идёт о государственном интересе, формирующем исторический конструкт в духе единой исторической повестки (что можно видеть на примере официальных политик памяти некоторых стран Восточной Европы).

Дискуссионной проблемой является и возможность построения единой «демократической памяти». Мы уже сформулировали тезис, согласно которому

память — поле битвы, а существование единственного воспоминания — химера. В этом случае очевидно, что конструкт «единая память» всегда будет искусственным. Вопрос о том, зачем такая память создается и кому она адресована, остаётся открытым в каждом конкретном случае. Как и вопрос о том, можно ли построить такую демократическую память, которая позволит объединить различные варианты прошлого, но в то же время будет способна построить свой дискурс? Это ещё один из вопросов, поиск ответа на который в контексте испанского опыта посвящена данная статья.

Обращаясь к проблемам коллективной памяти, надо отметить значимость работы историков. Именно их исследования в идеале и позволяют преодолеть мифификации и мифы, неизменно сопровождающие обращение к «трудному прошлому». Однако монополия на прошлое историкам не принадлежит. Память — это зона ответственности всех граждан.

Среди наиболее значимых исследований, связанных с проблематикой исторической памяти в Испании, необходимо назвать работу О.Г. Энкарнасьона «Демократия без справедливости в Испании: политика забвения» [Encarnación, 2014], коллективные монографии под редакцией С. Хулиа Диаса [Víctimas de la guerra civil, 1999; Memoria de la guerra y del franquismo, 2006], Х. Аростеги и Ф. Годишо [Aróstegui, Godicheau, 2006], а также работы П. Агилар Фернандес «Политики памяти и память о политике. Испанский случай в сравнительной перспективе» [Aguilar Fernández, 2008], В.Л. Бернекера и С. Бринкмана «Испанская гражданская война в политике и обществе» [Bernecker, Brinkmann, 2006], Л. Кастро «Герои и павшие. Политики памяти в современной Испании» [Castro, 2008], Х. Куэсты «Одиссея памяти. История памяти в Испании. XX век» [Cuesta, 2008],

Ф. Эспиносы Маэстрэ «Против забвения. История и память гражданской войны» [Espinosa Maestre, 2006] и С. Хулиа Диаса «Оставить в забвении. Память и амнистия в переходный период» [Julía Díaz, 2003] и др. На русский язык был переведён ряд значимых работ по этой проблематике, среди них статьи У. Капдепон «Историческая память и диктатура Франко / общественная дискуссия в современной Испании»¹ и Л. Реншоу «Правда вскрывается: как поменялись местами разоблачения и утаивания в «политике памяти» в Испании» [Реншоу, 2009].

Российские исследователи также уделяют внимание проблематике исторической памяти в Испании [Хенкин, 2019а, 2019b; Федоров, 2016; Гранцева, 2018]. Региональной специфике проявления мемориальной политики и музеефикации мест памяти посвящены исследования А.А. Королевой [Koroleva, 2020]. В 2020 г. вышла книга Н. Эппле «Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах», посвящённая сравнению проработки памяти о прошлом в разных странах, в том числе, испанскому примеру [Эппле, 2020].

Активное обсуждение темы памяти в разных контекстах имеет вполне конкретную практическую сторону. Так, обращает на себя внимание разработка и обсуждение нового закона о демократической памяти², сопряжённая с разного рода сложностями и порождающая ряд значимых противоречий³. Чтобы раскрыть суть проблем, связанных с данной законодательной инициативой, в данной статье исследуется феномен коллективной памяти о гражданской войне и диктатуре в Испании, а также трудности формирования государственной политики в этой сфере. Авторы применяют сравнительный метод, исследуя отношение испанцев к своему про-

¹ Капдепон У. Отношение общества к диктатуре Франко в Испании // Уроки Истории. — 2014. — 17 июн. — URL: <https://urokiistorii.ru/articles/istoricheskaja-pamjat-i-diktatura-fran>

² Anteproyecto de Ley de Memoria Democrática // Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes y Memoria Democrática. — Madrid, 2020. — URL: <https://www.mpr.gob.es/servicios/participacion/Documents/APL%20Memoria%20Democrática.pdf>

³ Bartolomé A. Un informe de Interior cuestiona la Ley de Memoria Democrática // La Razón. — 2021. — 20 sep. — URL: <https://www.larazon.es/espana/20210920/yy6ggqabfnedjhjtp6nekr16y.html>

шлomu в контексте четырёх исторических этапов — периода франкистской диктатуры, этапа демократического транзита, демократической Испании 1980–1990-х гг. и Испании XXI в.

Надо отметить, что в годы перехода от франкизма к демократии ряд объективных причин определил путь Испании в переживании своего исторического прошлого. В тот момент выбор был сделан в пользу молчания, в пользу отказа от исследования травмы, от судебных разбирательств, от предъявления счетов.

В последующие периоды актуализация вопросов исторической памяти была обусловлена различными факторами. С одной стороны, в 1990-е гг. представители Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) начали прибегать к исторической тематике в конкурентном споре с Народной партией (НП). В то же время в обществе чувствовалась «усталость от молчания», начали работать многочисленные организации, помогающие родственникам искать захоронения жертв гражданской войны⁴. Как отмечает Н. Эппле, внуки участников гражданской войны в гораздо большей степени, чем их отцы и матери, «склонны формировать отношение к болезненному прошлому исходя из представлений о праве и справедливости и в меньшей степени — под влиянием страхов» [Эппле, 2020: 177–178; Aróstegui, Gálvez, 2010]. Социалисты сделали всё, чтобы в 2007 г. был принят закон «О признании прав и принятие мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы Гражданской войны и Диктатуры», который получил известность под названием «Закон об исторической памяти»⁵. Но многие инициативы, связанные с ним, были свёрнуты в 2012 г., после прихода к власти НП.

Новый этап нарастания противоречий был связан со сменой правительства Ис-

пани в 2018 г. Тогда в обществе разгорелся спор вокруг идеи, выдвинутой левыми политическими силами по поводу перезахоронения Франко, воспринимавшегося политическими оппонентами социалистов как манёвр для мобилизации сторонников в преддверии выборов. Несмотря на противоречивость ситуации, 24 октября 2019 г. состоялся исторический вынос тела Франко из Долины Павших⁶. Однако споры продолжились. Так же, как продолжались обвинения в популизме Педро Санчеса, сделавшего ставку на историческую память как часть государственной политики. При этом испанские левые даже в сложных условиях, связанных с последствиями пандемии, не оставляли своих усилий в работе по «историческому» направлению.

Очевидно, что гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и предшествующий ей этап испанской истории, связанный с довоенной Второй Республикой (1931 – 1936), а также последующий этап — диктатура Франко, стали для Испании XX в. «осевыми» событиями в процессе формирования памяти (или «воспоминаний») о недавнем прошлом. Память о войне и диктатуре является фундаментальной частью коллективной памяти испанцев и находится в центре историографических, политических, социальных и культурных дебатов, ведущихся в испанском обществе не протяжении многих лет.

Представляя историю развития этой дискуссионной проблематики, необходимо обратиться к изучению процесса конструирования воспоминаний о конфликте, который начался непосредственно после победы Франсиско Франко и его сторонников в гражданской войне и продолжается по сей день [Cuesta, 2008]. Речь здесь идёт о формировании памяти, возможности дискуссий, формировании и выборе используемой политики памяти [Castro,

⁴ ¿Qué es la Asociación para la recuperación de la memoria histórica (ARMH)? // Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica (ARMH). — URL: <https://memoriahistorica.org.es/que-es-la-asociacion-para-la-recuperacion-de-la-memoria-historica-armh-2000-2012/>

⁵ LEY 52/2007, de 26 de diciembre // BOE. — 2007. — 27 dic. (núm. 310). — Pp. 53410–53416. — URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2007/12/26/52>

⁶ Медведев С. Вынос тела. Николай Эппле и Екатерина Гранцева о том, как память о Франко расколола Испанию // Радио Свобода. — 2019. — 24 ноя. — URL: <https://www.svoboda.org/a/30281052.html>

2008; Encarnación, 2014; Aguilar Fernández, 2008]. Не менее значимым в этом контексте представляется, как уже говорилось, анализ различных политических дискурсов, сопровождавших формирование воспоминаний и то, какое влияние память на них оказывала.

Особенности и специфика «испанского случая»

Как мы уже обозначили, случай Испании представляет собой не единственный, но характерный пример конфликта из-за взгляда на недавнее прошлое, прошлое травмирующее, прошлое, связанное с гражданской войной и диктатурой.

В чём же специфика именно испанского опыта? Среди его характерных особенностей можно выделить следующие:

1. Обесценивание правыми силами (политическими и общественными) республиканского демократического опыта Испании.

2. Отсутствие антифашистского консенсуса как результат преемственности по отношению к франкистскому режиму, отчасти характеризующей период транзита.

3. Неприятие уже упомянутыми близкими к правым (или происходящими из так называемого «социологического франкизма») политическими, социальными и культурными секторами республиканского опыта 1931–1936 гг. как опыта демократического. Проводимый этой частью общества исторический анализ республиканского периода по меньшей мере своеобразен, поскольку абстрагируется от общего международного контекста, в который он был вписан: а именно, ситуации межвоенного периода и, в частности, 1930-х гг. То есть всего, что связано с глобальным кризисом демократии в Европе, находившейся под угрозой и демонстрировавшей нестабильность (за исключением очень немногих стран). Испанская республиканская демократия подверглась значительной трансформации, но не перестала быть демократией, пусть и разделяющей все недостатки, ограничения, проблемы и кризисы других демократий своего времени.

4. К значимым факторам можно отнести и пренебрежительное отношение вышеупомянутого «правого сектора» к работам исследователей, способствующих восстановлению исторической памяти и не разделяющих взглядов «ревизионистов». Эта фундаментальная особенность подробнее будет прокомментирована ниже.

Обозначив данные черты «испанского случая», надо оговориться: такая ситуация характеризует именно отношение к истории с позиций нынешней испанской демократии. Тем интереснее проследить основные вехи её становления.

Для начала рассмотрим, что происходило в Испании до смерти Франко в 1975 г. и восстановления демократии в 1977 г. Официальный дискурс диктатуры Франко и правых в целом (несмотря на их разнобразные), которые её поддерживали, был абсолютно мемориалистическим. Память о победителях основывалась на ключевом факте: это — победа в гражданской войне, которая вспоминалась постоянно и составляла основу легитимности франкистского режима.

Для победителей память о войне сыграла важную роль в строительстве их государства. Как уже было сказано, диктатура Франко на протяжении почти сорока лет своего существования постоянно вспоминала о событиях второй половины 1930-х гг. И всегда — с точки зрения победителей, поскольку легитимность режима зиждилась именно на этой победе и на военном перевороте в июле 1936 г., положившем конец республиканской демократии. Этот мятеж был задуман как «движение» за спасение цивилизации, христианства и «истинной Испании» перед лицом революционной угрозы. Другая сторона, защитники Республики, представлявшие различные политические силы, характеризовались франкистами как «анти-Испания», и, следовательно, должны были быть искоренены или изгнаны с испанской земли. Их памяти во франкистском дискурсе не существовало.

18 июля, день военного переворота и мятежа против Республики, стал национальным праздником, постоянной мемориальной датой важных политических вы-

ступлений и торжественных мероприятий. Франкистский режим утвердил не только памятные даты, но и места памяти, а также рекомендации для государственных образовательных учреждений, транслировавших значимость победы и закреплявших тем самым в памяти имена победителей, погибших франкистских героев и т.п. Памяти о жертвах республиканцев не существовало [Aróstegui, Godicheau, 2006; Memoria de la guerra y del franquismo, 2006]. Репрессии франкистской диктатуры против её врагов продолжались и после окончания гражданской войны. Уже в мирное время число жертв увеличилось за счёт сотен тысяч заключённых: от 40 000 до 50 000 погибших прибавились в этот период к 90 000 погибших во время гражданской войны [Víctimas de la guerra civil, 1999; Preston, 2013].

Начиная со второй половины 1950-х и особенно в 1960-е гг. в официальном дискурсе режима, связанном с войной, появился значимый нюанс. В 1964 г. франкистская диктатура провела пропагандистскую кампанию, состоявшую из серии различных инициатив и акций, под названием «25 лет мира». Тогда наиболее агрессивные и воинственные составляющие официальной памяти о гражданской войне были немного смягчены, максимально подчёркивалась ценность «мира» (включая экономическое развитие, на которое сделал ставку Франко; его образ приобрёл черты «отца-благодетеля» всех испанцев). Но и эта кампания не устранила из официального дискурса предыдущих трактовок войны как борьбы с «анти-Испанией». Восхваление победы продолжалось в публичных выступлениях представителей режима вплоть до самой смерти диктатора в 1975 г. [Grantseva, 2020; Moradiellos, 2004].

Если вернуться к особенностям анализируемого нами «испанского случая», надо обратить внимание на преемственность подходов правых сил в интерпретации политического консенсуса 1977–1978 гг. (и Закона об амнистии, принятого в октябре 1977 г.⁷) как нулевой точки испанской

демократии, её начального момента. Это сопровождалось «аннулированием» предыдущего демократического прошлого, что предполагало забвение опыта Второй Республики, являвшегося единственным полностью демократическим antecedentом нынешней демократии в национальной истории в целом [Richards, Ealham, 2005: 1–20].

Этот подход был поддержан и утверждён благодаря политическому пакту о переходном периоде, который получил название «пакта молчания». Молчания в том числе о «страшном прошлом», связанном с гражданской войной. Данная инициатива правых была поддержана и значительной частью антифранкистской оппозиции, готовой жертвовать памятью о прошлом во имя примирения и построения демократического будущего [Encarnación, 2014; Juliá Díaz, 2003]. Следует подчеркнуть, что некоторые предпосылки данной позиции проявлялись и ранее, например в идее «национального примирения», сформулированной Коммунистической партией Испании (КПИ) в конце 1950-х гг.

В этой связи важно рассмотреть и трансформации «республиканской» памяти, то есть памяти побеждённых. Здесь мы можем зафиксировать множественность памяти, чем эта позиция заметно отличается от франкистского мемориального монолита. Это множество дробящихся и разделённых воспоминаний, связанных с отдельными республиканскими политическими секторами и персоналиями, отмеченных печатью поражения, связанных с различной оценкой действий и событий гражданской войны.

Прежде всего, здесь имеются в виду воспоминания о событиях военного времени. Но, как уже отмечалось, с 1950-х гг. очевидна эволюция этого дискурса. Антифранкисты в это время начали осознавать силу и прочность диктатуры. Лишившись после окончания Второй мировой войны надежды на восстановление демократической Испании с помощью внешних сил,

⁷ Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistia // BOE. — 1977. — 17 oct. (núm. 248). — URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/1977/10/15/46/con>

оппозиция прекратила партизанскую борьбу и начала выстраивать идею «национального примирения» (как, например, уже упомянутая КПИ в 1956 г.) [Molinero, 2007: 201–225]. Голоса левых, говоривших о поиске широкого консенсуса и необходимости пактов в борьбе с диктатурой, набирали силу. В этот момент возникает образ войны как «противостояния» и «трагического безумия», а также идея совместного преодоления этого травматического опыта «детьми победителей и побеждённых» в обозримом демократическом будущем. Эту идею поддерживало убеждение многих в том, что антифранкистская оппозиция не имеет массовой социальной поддержки. Экономический рост и социальные изменения 1960-х гг. укрепили общественное согласие, способствовали преодолению раскола между испанцами. Ещё одним важным фактором стала неизбежная смена поколений, которая также способствовала стиранию памяти о конфликте [Aróstegui, Gálvez Biesca, 2010].

Всё это, вместе с необходимостью утверждения широкого объединяющего политического пакта в период перехода от диктатуры к демократии, как мы увидим далее, могло гарантировать, что претензии, связанные с прошлым (включая ответственность диктатуры Франко, возмещение ущерба жертвам режима и т.д.) после смерти Франко не занимали значимой позиции в политических выступлениях главных сил левых (таких как ИСРП и КПИ). В годы перехода требования и иски касались в основном амнистии политических заключённых, выступавших против Франко; отмены военной юрисдикции и т.п.

О пактах и «забывчивости» в период испанского транзита

После смерти Франко в конце 1975 г. и, уже более осознанно, в 1976 г. в Испании начался процесс, который привёл к так называемому «демократическому переходу», т.е. фактически, к возвращению демократии, отсутствовавшей в Испании с момента окончательного поражения Республики в ходе гражданской войны весной 1939 г. Адольфо Суарес (молодой по-

литик, бывший секретарь единственной франкистской партии), занявший в июле 1976 г. пост премьер-министра, начал при поддержке короля Хуана Карлоса I процесс политических реформ внутри режима. Этот процесс, получивший поддержку сил антифранкистской оппозиции, привёл к согласованному и постепенному изменению системы. Одним из результатов этих трансформаций стало проведение в июне 1977 г. первых после 1936 г. демократических выборов, продемонстрировавших поддержку большинством испанцев умеренных политических сил, таких как Союз Демократического Центра (*Unión de Centro Democrático*, партия, созданная Суаресом из реформистских франкистских элементов и отражавшая центристские и правокентристские политические позиции), а также ИСРП. КПИ, главная оппозиционная партия, выступавшая против режима Франко, заняла третье место. Ностальгирующие по диктатуре в тот момент получили минимальную поддержку [Бухармедова, Гранцева, 2014: 629].

В переходный период постепенно начали появляться правовые нормы в отношении политики исторической памяти, носившие в первую очередь, экономический характер и провозглашавшие юридическое равенство. Спустя сорок лет участникам гражданской войны, воевавшим на стороне республиканцев, было предоставлено право на пособия. При этом в официальном дискурсе республиканская память отсутствовала, не было публичного или официального признания памяти республиканцев, ставших жертвами войны и диктатуры. Отсутствовало и признание связи и преемственности между республиканским демократическим прошлым 1931–1936 гг. и новой демократической системой, утверждавшейся в эти годы в Испании. Никто не был признан ответственным за террор и репрессии, применявшиеся в годы войны и диктатуры [Julía Díaz, 2003: 14–25].

Несмотря на многочисленные дискуссии, большинство историков, политологов и социологов сходятся во мнении, что в переходный период в Испании всё ещё преобладали «страшные воспоминания о

гражданской войне». Именно это во многом обусловило установки, направленные на достижение консенсуса и примирения среди ведущих политических сил, участвовавших в процессе перехода к демократии. И именно это, по всей вероятности, привело к отстранённому отношению к прошлому и, в конечном счёте, к отсутствию в этот период артикулированной политики памяти. К тому же в Испании переходного периода к 1976–1982 гг. сложилась непростая экономическая и политическая ситуация. В результате значимой поддерживающей силой новой демократической политической системы стали «страшные воспоминания» о войне. Во многом благодаря им оформились спорные составляющие испанской демократии, связанные с выбором монархической формы правления, принятой без всенародного опроса, отсутствие люстрации, сохранение франкистских вооружённых сил и служб безопасности.

Всё это стало фундаментом знаменитого «пакта молчания» (термин предложен историком и политологом П. Агилар Фернандес [Aguilar Fernández, 1996]). Он представлял собой позицию элит и их лидеров, закреплённую Законом об амнистии 1977 г. Мы не будем в данном исследовании останавливаться ни на обстоятельствах утверждения данного законодательного акта, ни на социальной поддержке этих предложений, ни на дебатах, которые на протяжении десятилетий ведутся по его поводу среди историков и других исследователей. Также мы не будем подробно разбирать существовавшее и в годы демократического перехода общественное движение, требовавшее восстановления исторической памяти побеждённых, но не имевшее официальной поддержки со стороны властей или крупных политических сил.

Остановимся на другом аспекте. Официальное публичное молчание в отношении прошлого было косвенно оправдано желанием избежать конфликтных воспоминаний и повторения «страшного опыта» войны, а также желанием поддержать и утвердить демократию, рождённую в 1977 г. Демократию, позиционировавшуюся как уникальная, фундаментальная инициати-

ва, не имеющая прошлого и забывшая о демократическом опыте Второй Республики.

К чему это привело на практике? К желанию забыть не только опыт войны, но и опыт диктатуры. Страшные воспоминания о гражданской войне, боязнь повторения травматического опыта фактически приводили к забвению диктатуры, молчанию о ней. Одновременно с этим забывался и демократический опыт Республики; история как бы обнулялась. В свете такой позиции история Второй Республики оказалась сопряжена с идеей неизбежного и вместе с тем непоправимого пути, ведущего к гражданской войне. И это была та самая идея, которая созрела у самих франкистов и использовалась ими для легитимизации военного мятежа в июле 1936 г.; идея, с помощью которой оправдывали уничтожение республиканского опыта на протяжении всех лет существования франкистского режима.

Таким образом, молчание предполагало отсутствие осуждения предыдущего диктаторского режима и отсутствие признания демократии 1931–1936 гг. И даже больше: отсутствие политического и морального признания жертв и осуждения репрессий диктатуры. Жертвы с республиканской стороны, в отличие от франкистов, не получили ни признания, ни компенсаций. Останки десятков тысяч республиканцев оставались в братских могилах, там, где «исчезли», то есть были убиты. У родственников не было возможности найти их тела и достойно похоронить, отдав долг памяти. Эта ситуация, несомненно, обостряла проблемы и трудности в достижении полного и подлинного национального примирения в уже демократической Испании.

Трудный путь памяти в условиях демократии

Итак, в настоящее время именно период транзита часто обвиняют в отсутствии политики памяти, забвения жертв и демократического опыта Республики. Но здесь надо принять во внимание, что многие политики, участвовавшие и содействовавшие демократическому транзиту, рассматривали его как отправную точку, предполагая,

что в будущем, после консолидации демократической системы, многие проблемы будут решены. Так было, например, с реформой вооружённых сил или с решением вопроса автономий. Однако по сей день не разрешены ни вопрос о форме государственного устройства, ни проблема отношений государства с церковью, ни особо нас интересующий «узел», связанный с политикой памяти.

Официальная политика в отношении памяти — или, скорее, забвения/молчания, как бы мы её ни называли, была сформирована в период демократического транзита и в той же форме транслировалась в последующие десятилетия вплоть до конца XX в. Поэтому здесь невозможно говорить ни о вмешательстве обуславливающих факторов и давлений, типичных для того периода, ни о конъюнктурных «оправданиях», связанных с попыткой консолидировать новую демократию в момент её становления. Скорее можно предположить, что этот вопрос мог бы быть решён, если бы правительство и значительная часть политических сил Испании были заинтересованы в решении этого вопроса и видели возможность его решения без угрозы стабильности демократической системы. При этом, надо отметить, что часто приводимый аргумент об отсутствии времени для решения данной проблемы не выдерживает критики в связи с тем значением, которое опыт войны сохранял (и сохраняет по сей день) для испанского общества.

Оставаясь правящей партией в период с 1982 по 1996 гг., социалисты во главе с Филипе Гонсалесом продолжали заданные этапом транзита тенденции и практически не выдвигали никаких инициатив в отношении политики памяти. Да, в этот период были предоставлены компенсации тем, кто воевал на стороне Республики и тем, кто был заключён в тюрьмы во время диктатуры. Кроме того, возможность получить испанское гражданство была предоставлена членам интернациональных бригад. Однако так и не произошло ни официаль-

ного признания жертв режима Франко, ни их реабилитации. Республиканский опыт так и не был признан в качестве исторического ориентира для испанской демократии [Castro, 2008; Macé, 2012; Torres Fabra, Navarro Navarro, 2012].

Характерно, что в 1986 г. мероприятия, посвящённые пятидесятой годовщине начала гражданской войны, проводилось в условиях своеобразной «равноудалённости». Конфликт, как и в период транзита, продолжали интерпретировать как «трагическое безумие» и «братоубийственную войну». Только спустя много лет Фелипе Гонсалес выступил с самокритикой, касавшейся отношения к исторической памяти, осудив отсутствие официального признания жертв и продуманных образовательных программ, касавшихся периода гражданской войны и диктатуры⁸.

Начиная с 1996 г. правые правительства, формируемые НП под председательством Хосе Марии Аснара, ещё больше усугубили сложившуюся ситуацию. Но в тот момент в отношении памяти начиналась новая эпоха, сопровождавшаяся двумя параллельно развивавшимися тенденциями.

С одной стороны, начало формироваться масштабное движение за восстановление исторической памяти. А с другой стороны, параллельно распространялся исторический ревизионизм, который на самом деле был ничем иным, как издательским и медийным неофранкизмом. Его транслировали писатели, журналисты, эссеисты и пропагандисты правого и крайне правого толка. Эта позиция не представляла из себя ничего принципиально нового (оговоримся, что подобное уже имело место в годы переходного периода).

Движение за восстановление исторической памяти сосредотачивало свою деятельность на эксгумации и возвращении семьям останков из массовых захоронений республиканцев — жертв франкистского террора времён войны и послевоенного времени. Для этого движения возвращение в общественно-политический дискурс

⁸ Corazón Rural A., Hermoso L. Felipe González: «No estoy seguro de que el PSOE tenga claro lo que quiere» // Jot Down. — 2016. — URL: <https://www.jotdown.es/2016/07/felipe-gonzalez-no-estoy-seguro-psoe-tenga-claro-lo-quiere/>

старых франкистских тезисов было ещё одним доказательством ошибок политики общественной памяти в период транзита и после него, включая отсутствие явной критики диктатуры и непризнание демократического наследия республиканского прошлого.

В то же время так называемые «ревизионисты» крайне критически относились к движению за восстановление исторической памяти [Sevillano Calero, 2007: 183–190]. Некоторые исследователи рассматривают рост такой неофранкистской риторики как реакцию на рост социальной значимости проблемы восстановления памяти. Ревизионисты характеризовали мемориальные ассоциации как реваншистов и обвиняли их в том, что они снова открывают старые раны. Надо сказать, что к этому аргументу прибегали и многие консервативные политики. Ещё одним аргументом было обвинение в политическом манипулировании движением за возрождение памяти левыми партиями и организациями с целью подорвать авторитет правительства НП и использовать проблемы исторической памяти в качестве политического оружия левой оппозиции.

Безусловно, связь между левыми силами и движением за восстановление памяти была очевидна. Так же, как факт изменения стратегии ИСРП по мере роста социальной значимости проблем памяти, что кардинально отличалось от действий партии в период её трёх legislatur. Но движение за восстановление исторической памяти возникло и развивалось прежде всего как гражданское и автономное явление, практически без привязки к основным политическим силам и партиям. Действительно новые политические силы стали появляться с 2000-х гг. под влиянием импульса, заданного гражданскими инициативами, и параллельно с тем, как ИСРП сделала вопросы исторической памяти неотъемлемым элементом своей политической платформы.

В это время обозначились и другие факторы. Постепенно программные тезисы и ценности движения за историческую память начали получать некоторую институциональную поддержку. Конечно, не от

центрального правительства, которое до 2004 г. было сформировано Народной партией, а со стороны региональных властей, городских советов и ряда университетов. Примеры этому можно встретить в Андалусии, Стране Басков, Астурии, Галисии, Каталонии. Несмотря на инициированное сверху молчание, историки десятилетиями работали над изучением данной проблематики. А в 2000-х гг. были запущены исследовательские проекты и учреждены центры памяти, отвечающие за продвижение инициатив и проведение мероприятий, которые позволили бы, прежде всего, найти, реабилитировать и отдать долг памяти жертвам войны и диктатуры, исследовать исторический опыт и определить места памяти, связанные с демократическим прошлым и борьбой против диктатуры. Работа шла и по сбору требований и инициатив движения за историческую память, которое впервые получило официальную поддержку. Однако эти инициативы часто были не связаны друг с другом, развивались изолированно, ими реализовывались разрозненные подходы и стратегии [Koroleva, 2020; Santacreu Soler, 2016.].

Отдельный сектор представляли территории и сообщества, находящиеся под влиянием Народной партии. Мемориальные инициативы там не приветствовались и, в лучшем случае, встречали безразличие, а иногда и открытую враждебность.

Появление демократической политики памяти

В 2004 г. новое правительство ИСРП во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапатеро (который сам был внуком республиканца, погибшего от пули франкистов) впервые в Испании подняло вопрос о возможности принятия общегосударственного закона, касающегося вопросов исторической памяти. Юридический процесс, связанный с этой инициативой, шёл медленно и требовал значительных ресурсов. Но в 2007 г., после долгих дебатов различных политических сил и при враждебном неприятии со стороны Народной партии и связанных с ней социальных, медийных и политических секторов, всё же был принят акт, по-

лучивший известность как «Закон об исторической памяти».

Среди положительных сторон этого закона можно назвать его символическую культурную значимость, носившую амбивалентный характер. Так, например, он способствовал устранению памятников, публичных надписей и наименований, оставшихся в наследство от франкистской диктатуры. С другой стороны, в бюджет теперь закладывались средства, предназначенные для финансирования мероприятий, связанных с восстановлением демократической исторической памяти. Новый закон признавал жертв политических репрессий времён войны и франкистской диктатуры, а также поддерживал их реабилитацию и возмещение ущерба. Правда, механизмов участия государства в этом процессе, а также в действиях при эксгумации, прописано не было. Государство посредством косвенной процедуры, включавшей предоставление субсидий из бюджета, помогало объединениям и отдельным лицам в процессе эксгумации, но не готово было участвовать в восстановлении памяти жертв напрямую. Без руководства и инициативы государства, которое ограничивалось функцией посредника и финансиста, а также без прямой поддержки судебной системы, процесс фрагментировался и характеризовался рассредоточением инициатив. Раздробленность демократических сил усугублялась сильной оппозицией со стороны правых, к которым уверенно можно отнести в данном контексте не только политический истеблишмент, но и более широкие социальные слои, их поддерживающие, а также некоторых деятелей культуры. Не без их участия вокруг проблем памяти создавался значительный фоновый шум средств массовой информации, что способствовало созданию ложного ощущения информационной перенасыщенности, но в реальности не было связано со сколько-нибудь заметным качественным прогрессом в действи-

тельно значимых вопросах, например таком, как эксгумация останков жертв.

Несоответствие объявленных целей и реальных практик их реализации проступало всё более очевидно и получило отклик не только в СМИ, но и в сфере культуры. Всё чаще появлялись документальные и художественные фильмы, а также литературные произведения на «востребованную» тему. Иногда они носили откровенно оппортунистский или поверхностный характер, что приводило к ответным предвзятым заявлениям интеллектуалов, выступающих против процесса восстановления исторической памяти. В качестве примера можно назвать случай писателя Аркади Эспада, для которого гражданская война стала «первой культурной индустрией в стране»⁹ или Хавьера Серкаса, который говорил об «индустрии памяти»¹⁰.

В то же время надо сказать и о росте интереса к проблеме со стороны учёных и влияние тематики памяти на публикации научной периодики. Были запущены новые исследовательские проекты, открывались кафедры, научные центры, курсы, семинары, организовывалось научное сопровождение эксгумаций и т.п.

Расширялась и историография репрессий времен гражданской войны и диктатуры, рассматривались различные аспекты феномена террора и т.д. Хотя, разумеется, многие вопросы остаются открытыми до сих пор. Проблема исследования этих вопросов усложнялась закрытостью части архивов, которые постепенно открывались в течение сорока лет демократии, но этот процесс ещё не завершён [Федоров, 2016: 45–66].

В 2008 г. проблемы исторической памяти приобрели новое звучание в контексте событий, связанных с «делом Бальтасара Гарсона» [Garzón, 2011], который посчитал себя компетентным судить об ответственности за преступления, совершённые франкистской диктатурой с точки зрения

⁹ Espada A. Véase // El País. — 2006. — 23 ene. — URL: https://elpais.com/diario/2006/01/23/catalunya/1137982041_850215.html

¹⁰ Altares G. Javier Cercas: “La memoria histórica se ha vuelto una industria” // El País. — 2014. — 15 nov. — URL: https://elpais.com/cultura/2014/11/12/babelia/1415819975_800516.html

международного права. До этого Гарсон участвовал в других расследованиях преступлений против человечности, совершённых диктатурами в Чили и Аргентине. По отношению к франкистской диктатуре Гарсон начал процесс расследования, но быстро сам попал под следствие, лишившись права заниматься юридической деятельностью.

В 2011 г. правительство НП под председательством Мариано Рахоя не отменило действие «Закона об исторической памяти», хотя на предыдущем этапе представители правых открыто выступали против него. В то же время бюджет на поддержку связанных с законом инициатив выделять перестали. Вместе с прекращением финансирования практически прекратилась и какая-либо реализация его положений на практике.

Таким образом, Народную партию нельзя было упрекнуть в отмене закона, но, по сути, именно с подачи её бездействия его действие было заморожено. Это было связано с позицией большинства лидеров НП, выступавших категорически против реабилитации тех, кто потерпел поражение в гражданской войне, а также против возмещения ущерба жертвам франкистской диктатуры.

На фоне активизации полемики вокруг проблем исторической памяти в Испании появилась и набрала силу крайне правая партия Vox, чьё присутствие в региональных и национальных парламентах неизменно росло. При этом дискурс Vox радикально противоречит политике демократической памяти, а иногда напрямую отсылает к неофранкизму. Так, представители Vox были причастны к параличу политики памяти в случае Андалусии. Исследователи отмечают, что «в 2017 году именно в Андалусии впервые в Испании был принят региональный закон об исторической и демократической памяти. В нём был подробно прописан статус мест «исторической и демократической памяти», как объектов правоотношений... После победы на выборах в парламент Андалусии 2 декабря 2018 г. Народной Партии и партии Ciudadanos («Граждане»), при поддержке ультраправой партии Vox («Голос»), было заявлено о

замене действующего закона о «демократической памяти» на другой закон «о примирении» [Королева, Кадырова, Княжева, 2020: 60–61].

Длинная тень прошлого и бесконечный шум. Возможна ли демократическая память?

В июне 2018 г. правительство НП под председательством Мариано Рахоя получило вотум недоверия после обвинительного приговора членам партии по коррупционным делам. Правительство возглавил социалист Педро Санчес. Однако парламентская слабость нового правительства ИСРП препятствовала в полной мере воплотить весь комплекс действий по осуществлению политики демократической памяти. В Испании до сих пор существует множество массовых захоронений жертв репрессий, десятки тысяч числятся пропавшими без вести.

С другой стороны, ажиотаж СМИ вокруг проблем памяти продолжался, и одно из центральных мест в нём по-прежнему принадлежит проблеме Долины Павших. Находящийся неподалеку от Мадрида мемориал был открыт Франко в 1959 г. Он является масштабным памятником национально-католического происхождения, созданным в том числе для прославления диктатуры. Частью комплекса является монастырь и базилика, где были захоронены останки Франсиско Франко [Гранцева, 2019: 105–122]. Со второй половины 1970-х гг. это было место встреч для тех, кто ностальгировал по режиму Франко. Вместе с тем, в Долине Павших захоронены останки более 30 000 жертв гражданской войны, в том числе и республиканцев, которых захоронили там без согласия родственников [Calleja, Casanova, 2018]. После долгих дебатов социалистом удалось добиться перезахоронения останков Франко, 24 сентября 2019 г. Верховный суд одобрил эксгумацию и 24 октября останки диктатора были перенесены в его семейный пантеон на кладбище Мингоррубио в Эль-Пардо.

Вынос тела должен был символизировать прощение Испании с франкистским прошлым. Такие расставания уже проис-

ходили несколько раз: легализация политических партий (коммунистов и социалистов), первые свободные выборы, первая победа ИСПП, переименование улиц. Сегодня в Испании у власти новое поколение левых. Среди них — потомки проигравших в гражданской войне республиканцев. Франко был уверен, что победил навсегда, но пришло время реванша. Социалисты видят свою историческую победу в статьях будущего закона о Демократической памяти, который призван отразить «консолидацию государственной политики, которая транслирует традиции и демократическую культуру в стране и отдаёт дань уважения тем, кто боролся за свободу, запрещая возвышение или оправдание диктатуры»¹¹. Этот закон, по мысли его разработчиков, должен стать финальной точкой в исторических спорах и «войнах памяти».

Однако проведённое исследование позволяет сделать вывод о неизменном отсутствии консолидации по вопросу политики памяти, как и об отсутствии общегражданского согласия о принципах её формирования на демократической основе. Что демонстрирует трудность (или даже невозможность) построения вокруг политики памяти социального и политического консенсуса.

Итак, проблема построения демократической памяти остаётся одним из самых сложных и дискуссионных вопросов в Испании. Это строительство невозможно без качественной исследовательской работы историков, которая ведётся уже несколько десятилетий. Значимое место в этом процессе принадлежит также и гражданскому обществу: именно этот контекст обуславливает «запрос» на продвижение политики памяти как определённой культурной стратегии, призванной повлиять на все аспекты жизни испанского общества. Особую роль в деле возрождения памяти играют многочисленные ассоциации, которые

на протяжении более двух десятилетий продвигали различные инициативы по изучению наследия демократического прошлого в Испании и последствий террора, занимались поиском и отстаиванием исторической правды, боролись за справедливое возмещение ущерба жертвам. Конечно, нельзя забывать и о фрагментарности этих мемориальных инициатив, часто осуществляемых отдельными энтузиастами, не всегда достаточно критичными и объективными в отстаивании своей гражданской позиции.

В стремлении к историческому реваншу важно помнить, что демократическая память не имеет единственного правильного изложения, она множественна и не является синонимом «либеральной демократии». Примером здесь может служить не только отказ от франкистской памяти, но и отрицание памяти анархистского движения, занимавшего одно из важнейших мест в истории республиканского периода. То есть, по сути, отрицание революционной памяти как части демократической памяти.

Очевидно, что развитие демократической памяти как целостного социокультурного феномена требует отказа от презентизма, рассматривающего историю как разногласию идеологических конструкций. В основу научно обоснованной политики демократической памяти может быть положен тезис о восприятии демократии как процесса, а не как финальной точки, неподвижной и непоколебимой. основополагающие принципы политики подлинной демократической памяти связаны с уважением прав человека, включая уважение человеческого достоинства, права на свободу и разнообразие взглядов, без них реализация проектов, в названии которых присутствует словосочетание «демократическая память», снова заведёт общество в тупик.

---

¹¹ Anteproyecto de Ley de Memoria Democrática. 2020.

Список литературы:

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
- Бухармедова Л.М., Гранцева Е.О. Переход от франкизма к демократии // История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. — Москва: Индрик, 2014. — С. 623–635.
- Гранцева Е.О. Возможно ли согласие? Историческая память о событиях XX в. в повседневной жизни и законодательстве современной Испании // Латиноамериканский исторический альманах. — 2018. — №19. — С. 316–336. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2018-19-1-316-336>
- Гранцева Е.О. Идеология, запечатленная в архитектуре. «Долина павших» и другие проекты франкистской эпохи // Латиноамериканский исторический альманах. — 2019. — №24. — С. 105–122. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2019-24-1-105-122>
- Королева А.А., Кадырова К.Р., Княжева М.В. Интерпретация пользователями Instagram мест демократической памяти в Кадисе // Латиноамериканский исторический альманах. — 2020. — №25. — С. 58–71. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2020-25-1-58-71>
- Реншоу Л. Правда вскрывается: как поменялись местами разоблачения и утаивания в «политике памяти» в Испании // Новое литературное обозрение. — 2009. — №6. — С. 475–493.
- Федоров А.Ю. Репрессивная политика в ходе и после гражданской войны в Испании: история и полемика // Историческая экспертиза. — 2016. — №4. — С. 45–66.
- Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019а. — Т. 12, № 4. — С. 72–87. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87>
- Хенкин С.М. Современная Испания: некоторые проблемы отношения к Гражданской войне и франкистской диктатуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2019b. — № 2. — С. 28. — <https://doi.org/10.18254/S207987840002533-5>
- Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. — Москва: Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.
- Aguilar Fernández P. Memoria y olvido de la Guerra Civil. — Madrid: Alianza, 1996. — 435 p.
- Aguilar Fernández P. Políticas de la Memoria y Memorias de la Política. El caso español en perspectiva comparada. — Madrid: Alianza Editorial, 2008. — 583 p.
- Aróstegui J., Gálvez Biesca S. Generaciones y memoria de la represión franquista. — Valencia: Universitat de Valencia, 2010. — 414 p.
- Aróstegui J., Godicheau F. Guerra Civil. Mito y memoria. — Madrid: Marcial Pons, 2006. — 406 p.
- Bernecker W.L., Brinkmann S. Kampf der Erinnerungen. Der Spanische Bürgerkrieg in Politik und Gesellschaft 1936–2006. — Nettersheim: Verlag Graswurzelrevolution, 2006. — 377 p.
- Calleja J.M., Casanova J. El Valle de los Caídos. — Barcelona: Espasa, 2018. — 228 p.
- Castro L. Héroes y caídos. Políticas de la memòria en la España contemporánea. — Madrid: Los Libros de la Catarata, 2008. — 339 p.
- Cuesta J. La odisea de la memoria. Historia de la memoria en España. Siglo XX. — Madrid: Alianza, 2008. — 496 p.
- Encarnación O.G. Democracy without Justice in Spain: The Politics of Forgetting. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. — 249 p.
- Espinosa Maestre F. Contra el olvido. Historia y memòria de la guerra civil. — Barcelona: Crítica, 2006. — 350 p.
- Garzón B. La fuerza de la razón. — Barcelona: Debate, 2011. — 206 p.
- González Calleja E. Memoria e historia. Vademécum de conceptos y debates fundamentales. — Madrid: Los Libros de la Catarata, 2013. — 207 p.
- Grantseva E.O. Guerra Civil en España de 1936-1939 en el discurso público del segundo franquismo y la España actual // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. — С. 1731–1738.

Juliá Díaz S. Echar al olvido. Memòria y amnistía en la transición // Claves de Razón Práctica. — 2003. — № 129. — Pp. 14-25.

Koroleva A.A. Museificación y medios de comunicación de los Lugares de Memoria Histórica y Democrática en Cádiz // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. — С. 1738–1744.

Macé J.-F. Los conflictos de memoria en la España post-franquista (1976-2010) // Bulletin Hispanique. — 2012. — № 114-2. — Pp. 749-774. <https://doi.org/10.4000/bulletinhispanique.2150>

Memoria de la guerra y del franquismo / dir. S. Juliá Díaz. — Madrid: Fundación Pablo Iglesias-Taurus, 2006. — 398 p.

Molinero C. La Política de Reconciliación Nacional. Su contenido durante el franquismo, su lectura en la Transición // Ayer. — 2007. — № 66. — Pp. 201–225.

Moradiellos E. 1936. Los mitos de la Guerra Civil. — Barcelona: Península, 2004. — 249 p.

Preston P. El holocausto español: Odio y exterminio en la Guerra Civil y después. — Barcelona: Debolsillo, 2013. — 859 p.

Richards M., Ealham C. History, Memory and the Spanish Civil War: Recent Perspectives // The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — Pp. 1–20.

Santacreu Soler J.M. La recuperació de la memòria històrica al País Valencià: reparar i dignificar les víctimes amb les subvencions estatals (2006–2011). — Castelló de la Plana: Universitat Jaume I; Universitat d'Alacant; Universitat de València, 2016. — 326 p.

Sevillano Calero F. El revisionismo historiográfico, sobre el pasado reciente en España // Pasado y memoria. — 2007. — № 6. — Pp. 183-190. <https://doi.org/10.14198/PASADO2007.6.10>

Torres Fabra R.C., Navarro Navarro J.F. Franquisme, repressió, memòria... El treball dels historiadors // Temps de por al País Valencià (1938–1975): Estudis sobre la repressió franquista. — Castelló de la Plana: Universitat Jaume I, 2012. — Pp. 7-21.

Víctimas de la guerra civil / coord. S. Juliá Díaz. — Madrid: Ediciones Temas de Hoy, 1999. — 439 p.

References:

Aguilar Fernández, P. (1996) *Memoria y olvido de la guerra civil española*. Madrid: Alianza.

Aguilar Fernández, P. (2008) *Políticas de la Memoria y Memorias de la Política. El caso español en perspectiva comparada*. Madrid: Alianza Editorial.

Aróstegui, J. and Gálvez Biesca, S. (2010) *Generaciones y memoria de la represión franquista: un balance de los movimientos por la memoria*. Valencia: Universitat de Valencia.

Aróstegui, J. and Godicheau, F. (2006) *Guerra Civil: mito y memoria*. Madrid: Marcial Pons.

Assmann, A. (2006) *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C.H. Beck. (Russ. ed.: (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.).

Bernecker, W. L. and Brinkmann, S. (2006) *Kampf der Erinnerungen. Der Spanische Bürgerkrieg in Politik und Gesellschaft 1936–2006*. Nettersheim: Verlag Graswurzelrevolution.

Bukhamedova, L. M. and Grantseva, E. O. (2014) 'Perekhod ot frankizma k demokratii [The transition from Francoism to democracy]', in *Istoriya Ispanii. T. 2. Ot voyny za ispanskoye nasledstvo do nachala XXI veka. [History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession to the beginning of the XXI century]*. Moscow: Indrik Publ, pp. 623–635. (In Russian).

Calleja, J. M. and Casanova, J. (2018) *El Valle de los Caídos*. Barcelona: Espasa.

Castro, L. (2008) *Héroes y caídos. Políticas de la memòria en la España contemporánea*. Madrid: La Catarata.

Cuesta, J. (2008) *La Odisea de la memoria: historia de la memoria en España: siglo XX*. Madrid: Alianza.

Encarnación, O. G. (2014) *Democracy without justice in Spain: the politics of forgetting*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Epple, N. (2020) *Neudobnoye proshloye: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An inconvenient past: the memory of state crimes in Russia and other countries]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).
- Espinosa Maestre, F. (2006) *Contra el olvido: historia y memoria de la guerra civil*. Barcelona: Crítica.
- Fedorov, A. Y. (2016) 'Repressive Policy during and after the Spanish Civil War: History and Controversy', *Historical Expertise*, (4), pp. 45–66. (In Russian).
- Garzón, B. (2011) *La fuerza de la razón*. Barcelona: Debate.
- González Calleja, E. (2013) *Memoria e historia: Vademécum de conceptos y debates fundamentales*. Madrid: Libros de la Catarata.
- Grantseva, E. (2019) 'An Ideology Captured in Architecture. Valley of the Fallen and Other Projects of the Franco Regime', *Latin-american Historical Almanac*, 24, pp. 105–122. (In Russian). <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2019-24-1-105-122>
- Grantseva, E. O. (2018) 'Is an Agreement Possible? Historical Memory of the Events of the 20th Century in the Daily Life and Legislation of Modern Spain', *Latin-american Historical Almanac*, 19(1), pp. 316–336. (In Russian). <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2018-19-1-316-336>
- Grantseva, E. O. (2020) 'Guerra Civil en España de 1936-1939 en el discurso público del segundo franquismo y la España actual', in *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost'* [Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: Past and Present]: Conference Proceedings. Saint Petersburg: Skifia-print, pp. 1731–1738.
- Juliá Díaz, S. (coord.) (1999) *Víctimas de la Guerra Civil*. Madrid: Temas de Hoy.
- Juliá Díaz, S. (2003) 'Echar al olvido: Memoria y amnistía en la transición', *Claves de razón práctica*, (129), pp. 14–25.
- Juliá Díaz, S. (dir.) (2006) *Memoria de la guerra y del franquismo*. Madrid: Fundación Pablo Iglesias.
- Khenkin, S. M. (2019a) 'Spain: Controversy around Historical Memory', *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 12(4), pp. 72–87. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87>
- Khenkin, S. (2019b) 'Present-Day Spain: Several Problems of Addressing Civil War and Dictatorship', *ISTORIYA*, 10(2). (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207987840002533-5>
- Koroleva, A. A. (2020) 'Museificación y medios de comunicación de los Lugares de Memoria Histórica y Democrática en Cádiz', in *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost'* [Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: Past and Present]: Conference Proceedings. Saint Petersburg: Skifia-print, pp. 1738–1744.
- Koroleva, A., Kadyrova, K. and Knyazheva, M. (2020) 'The interpretation of the democratic memory locations in Cadiz by Instagram users', *Latin-american Historical Almanac*, 25(1), pp. 58–71. (In Russian). <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2020-25-1-58-71>
- Macé, J.-F. (2012) 'Los conflictos de memoria en la España post-franquista (1976-2010)', *Bulletin hispanique*, (114–2), pp. 749–774. <https://doi.org/10.4000/bulletinhispanique.2150>
- Molinero, C. (2007) 'La política de reconciliación nacional. Su contenido durante el franquismo, su lectura en la Transición', *Ayer*, (66), pp. 201–225.
- Moradiellos E. (2004) 1936. *Los mitos de la Guerra Civil*. Barcelona: Península.
- Preston, P. (2013) *El holocausto español: Odio y exterminio en la Guerra Civil y después*. Barcelona: Debolsillo.
- Renshaw, L. (2009) 'Uncovered: reversals of exposure and concealment in Spain's memory politics', *New Literary Observer*, (6), pp. 475–493. (In Russian).
- Richards, M. and Ealham, C. (2005) 'History, Memory and the Spanish Civil War: Recent Perspectives', in *The splintering of Spain: cultural history and the Spanish Civil War, 1936-193*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–20.
- Santacreu Soler, J. M. (2016) *La recuperació de la memòria històrica al País Valencià: reparar i dignificar les víctimes amb les subvencions estatals (2006-2011)*. Castelló de la Plana: Universitat Jaume I; Universitat d'Alacant; Universitat de València.
- Sevillano Calero, F. (2007) 'El revisionismo historiográfico, sobre el pasado reciente en España', *Pasado y memoria*, (6), pp. 183–190. <https://doi.org/10.14198/PASADO2007.6.10>

Torres Fabra, R. C. and Navarro Navarro, J. F. (2012) 'Franquisme, repressió, memòria... el treball dels historiadors', in *Temps de por al País Valencià (1938-1975): estudis sobre la repressió franquista*. Castelló: Universitat Jaume I, pp. 7–21.

Информация об авторах

Хавьер Франсиско Наварро Наварро — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Университета Валенсии, 46003, Испания, Валенсия, Университет, 2 (Испания)

Екатерина Олеговна Гранцева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей Истории Российской Академии Наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Javier Francisco Navarro Navarro — Doctor of History, University of Valencia, 2, C/Universitat, Valencia, Spain, 46003 (Spain)

Ekaterina O. Grantseva — PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of World History of Russian Academy of Science, 32a, Leninsky pr., Moscow, Russia, 119334 (Russia).

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 04.12.2021.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 04.12.2021.